

Валерий
Подорога

ВОЗВЫШЕННОЕ
ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОБЩЕГО ЧУВСТВА

Интеллектуальная история

Валерий Подорога

**Возвышенное. После падения.
Краткая история общего чувства**

2022

УДК 111.85
ББК 87.814.1

Подорога В. А.

Возвышенное. После падения. Краткая история общего чувства /
В. А. Подорога — 2022 — (Интеллектуальная история)

ISBN 978-5-4448-1672-1

Со времен анонимного позднеантичного трактата «О возвышенном» эта эстетическая категория означает нечто величественное, что открыто чувствам и в то же время выходит за пределы чувственного опыта. Нас может возвышать новизна, событие, свободный поступок, суверенное решение, но также война, смерть, утрата, травма – все, что отсылает к непредставимому или непредставленному. Поэтому не случайно, что понятие возвышенного привлекает особое внимание в эпоху модерна, когда опыт постоянного обновления – «выхода из несовершенности» (И. Кант) и одновременно утраты традиции (Э. Берк) становится основополагающим для западной культуры. Уже в XX веке Т. Адорно и Ж.-Ф. Лиотар связывают возвышенное с проблемой статуса искусства «после Освенцима». На этих примерах выдающийся российский философ и теоретик искусства Валерий Подорога показывает, как от понятия возвышенного зависит наше понимание и переживание времени. На каждом новом этапе истории возвышенное принимает новые очертания и в некотором смысле гарантирует, что в истории не может быть ничего окончательного: «Так и остается загадкой, где и когда, в какой мере и с какой интенсивностью может проявляться чувство возвышенного, и что оно, проявляясь, обнаруживает в нас». Валерий Подорога (1946–2020) – философ, антрополог, художественный критик, автор более двадцати монографий, посвященных современной западной мысли, русской литературе, кино и феномену телесности.

УДК 111.85
ББК 87.814.1

ISBN 978-5-4448-1672-1

© Подорога В. А., 2022

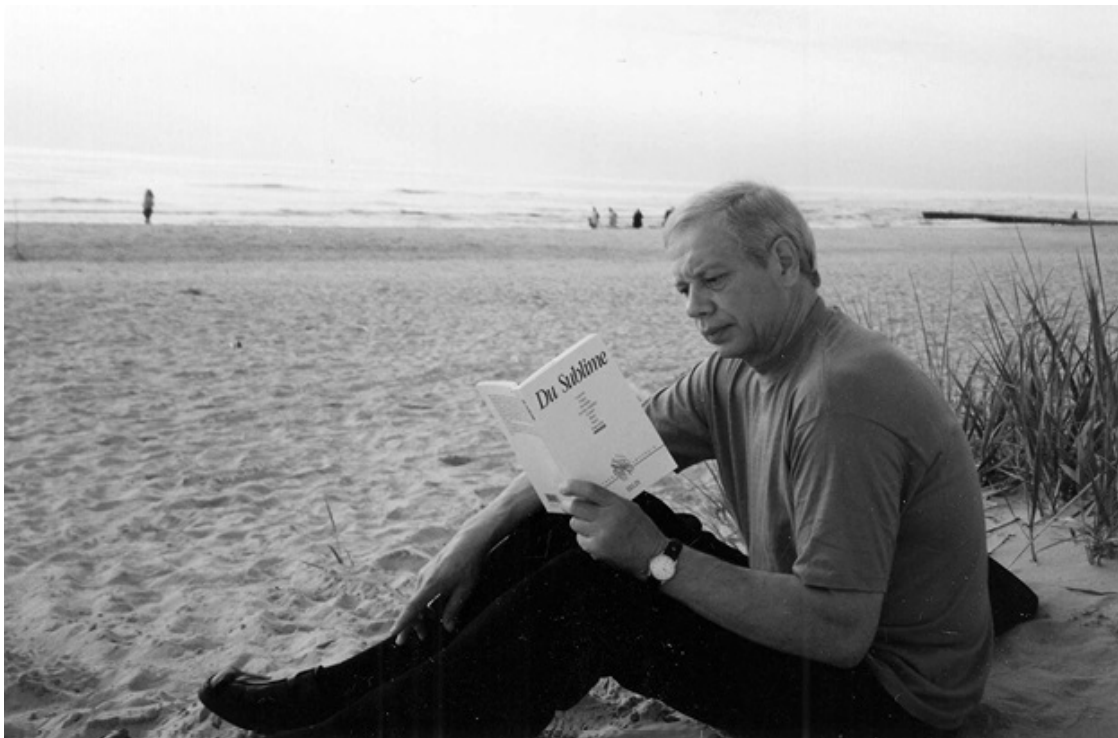
Содержание

Предисловие. Аналитика возвышенного сегодня?	7
Вступление. Кант-географ, или Странствие песков	8
Прогулка в Ниде	8
Взгляд сверху /Blick von oben, regard d'en haut/	18
1. Великий страх. Кант читает Берка	22
1.1. Французская революция: близкая и далекая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерий Подорога

Возвышенное. После падения.

Краткая история общего чувства

Паланга, читаю статью Ф. Лаку-Лабарта из коллективного французского сборника «Du Sublime» (1985). Литва, июнь 2002 г.

Предисловие. Аналитика возвышенного сегодня?

Сегодня, как мне представляется, недостаточно поверхностного упоминания о прошлых дебатах в искусстве о статусе прекрасного и возвышенного, без них не объяснить возникновения европейских философий вкуса. Да и не понять то, что происходит сейчас. Возвышенное и прекрасное не мертвые категории традиционной нормативной эстетики, а изменяющиеся во времени представления о возможностях применения культурных прагматик к эстетической области. Необходимо опознание (даже «новое узнавание») темы возвышенного или того, что, возможно, является знаменем ее отмены, или того, что оставляет нас наедине с новым возвышенным, область которого необходимо определить, чтобы опять-таки поставить вопрос о статусе вкуса и того, что его всякий раз отменяет, – возвышенного. Способны ли мы сегодня возобновить вопрошание об эстетике прекрасного/возвышенного с той широтой и точностью, с какой его формулировали некогда Э. Берк и И. Кант? Возвышенное – это чувство, но к чему его можно отнести? Ведь мы знаем, насколько разнятся непосредственные объекты возвышенного: мы возвышены Прекрасным, Добром, Законом, Священным, а залогом возвышения выступает Боль, Страдание или Унижение и т. п. Мы возвышены всегда, когда уравниены единым чувством причастности тому, что делает жизнь невыносимым предприятием.

Настоящая работа состоит из двух частей. Первая часть посвящена анализу идей о возвышенном и вкусе Э. Берка и И. Канта. Вторая часть – это исследования, обращенные к определению феномена события в современной массмедийной культуре.

1. Зачем нужна аналитика возвышенного? Не для того ли, чтобы заново определить отношение к современному искусству и к тому, что такое искусство сегодня?

2. Если, по мнению Лиотара, Кант своим пониманием возвышенного дал модель будущего искусства, то нам только стоит быть более внимательными и присмотреться к его выводам и всей аналитике книги «Критика способности суждения».

3. А также рассмотреть аналитику возвышенного в контексте истории «общего чувства». И, возможно, распространить ее на отношение к искусству (шире, к культуре восприятия, критерий изменений которого – уровень страха, поддерживаемый в обществе).

4. Но есть еще один вопрос – к истории «общего чувства» внутри общественной целостности. За «общим чувством» скрывается гештальт (за гештальтом – типы восприятий и типы поведенческие). Возвышенное – это отношение к возможности оценить и постичь некое целое, которое подавляет собственные отдельные части, в том числе и ту, которая пытается его наблюдать.

Вступление. Кант-географ, или Странствие песков

Прогулка в Ниде

1. Может ли унылый и ровный ландшафт предместий Кёнигсберга с его строением-рельефом и динамикой действующих сил, короче, со всей их гео-логикой содействовать разработке Кантом формы и основной идеи произведения? И как эти силы, будто бы внешние и совершенно бесполезные, могут произвести эффект со-действия мысли: проникнуть в мыслимое, причем на уровень его невидимых, но постоянно работающих сил, слиться с ними, стать неотличимыми? Мы знаем о некоторых привычках Канта, но им не удивляемся: они выражают идею постоянства его характера и удивительную способность к концентрации в мысли. Гео-логика мысли? Маленькая фигурка Канта движется перед нами через эту песчаную пустыню к морю, вдоль берега, и обратно, оставляя после себя легкие следы, тут же стираемые ветром. Прибалтийское плато – это идеальная, как стол, поверхность, где отсутствуют заметные возвышенности или холмы, разве только ощущаешь прибрежные подъемы, но и они лишены четко выраженного горного рельефа. Море – та же кантовская бездна, прибой – великая землеройная машина, действительно, это удивительный насос, который из глубин морских на поверхность перемещает громадные массы песка, и они от века к веку находятся в движении, выравнивая и разрушая все на своем пути. Песок везде, его не остановить, конечно, его пытаются остановить, но он не прекращает своего движения. Повсюду человек строит защитные лесополосы, разбивает парки и сады, стягивает сеткой могучих корней песочную массу, но удержать песок трудно. На песке расчерчивается одна таблица, потом другая, третья... Архитабло – одна таблица, совокупность всех возможных таблиц. Составление таблиц, чтобы удержать от распада эту хрупкую уязвимую поверхность, под которой шевелится Паскалева бездна. В сущности, «Критика чистого разума», если бы это было возможно, должна быть не книгой-свитком, а гигантской таблицей категорий, где каждая формулировка следует из другой, одновременно обращаясь ко всем уже созданным, но не по случаю, а по внутренней логической взаимосвязи.

Балтийское море

2. Многие знают удовольствие от длительной, чуть ли не *в бесконечном* горизонте и времени, прогулки вдоль берега моря, по этой кромке, где вода неотличима от песка. По кромке двух бездн. И здесь соотношение между бездной-провалом и бездной-плоскостью, первая бездна – бездна глубин, но преодолеваемая, бездна уходящая, оставляющая после себя другую бездну – чистую идеальную поверхность, постоянно обновляемую всей мощью удара вековых приливных волн. Две бездны: одна будто бы по вертикали, а другая по горизонтали. Прогулки Канта и его мысли, как представляется, лишены доминантного восходящего вектора (или, во всяком случае, он ослаблен), таким вектором остается все-таки горизонталь. Только на плоскости, на этом бесконечном песочном плато можно неустанно чертить таблицы. Разграфленная таблица – как главная форма кантовского (схематизма) представления. И, может, совершенно уникальная и единственная общая карта эпохи Просвещения. Иногда этот конфликт между безднами слабо заметен (область Паланги), но может выходить на поверхность, образуя редкую по величественности (если следовать кантовским представлениям о возвышенном) горную аномалию. Во всяком случае, если помнить о поразительно величественном и романтическом ландшафте Ниды (а это недалеко от Кенигсберга и, возможно, соответствует его морским пейзажам), то не покажутся уже странными и навязчивыми столь частые кантовские упоминания о бездне.

Песчаные дюны

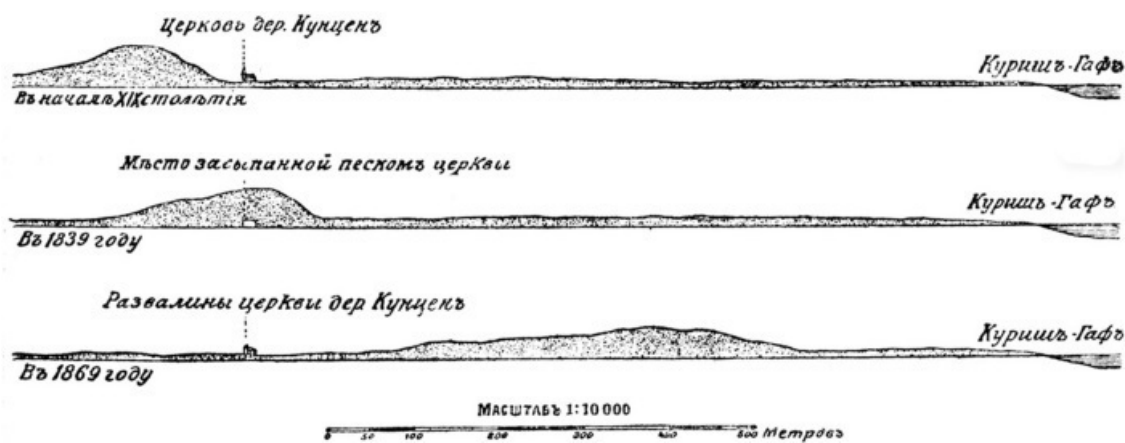
Мы взбираемся по крутой, под двести ступенек, деревянной лестнице на самый верх этого громадного песчаного холма; этот высокий берег в Ниде, а внизу серый лист спокойной воды залива. Далеко-далеко горизонт моря, трудно понять, откуда этот высокий берег взялся и почему он не разрушается. Все это песок, всего лишь песок, песок, намытый тысячелетиями. Я думаю, что Кант не мог не заметить особенность этого удивительного плато, словно выглаженного гигантским утюгом, и эта нескончаемая бездна поверхности сыграла более значительную роль в мысли Канта, нежели его отношение к вертикали¹. Действие уникального гештальта поверхности. Что значит смотреть вдаль? Если смотреть достаточно долго, привыкая к высоте берега, где стоишь, то вскоре линия горизонта начнет приближаться и, наконец, оказывается настолько близко, что обрыв между водной поверхностью и высотой, на которой ты расположился, исчезает. И вот линия горизонта совпадает с твоим взглядом, образуя единую чистую поверхность, воздушная масса становится водной стихией, скрывающей бездну. Так глубина перестает быть собой, чтобы стать шириной. Широта или открытый горизонт – явление идеальной плоскости (где берег чуть ниже уровня океана), ты чувствуешь, как движутся пески.

3. Кант изучает движение песков (как и движение приливов, причины землетрясений и т. д.):

В самом деле, не подлежит сомнению, что, хотя на первый взгляд кажется, будто море, постепенно освобождая для суши одни участки, захватывает взамен этого другие, так что в целом не причиняет ей вреда, тем не менее при более внимательном рассмотрении оказывается, что оно обнажает гораздо более обширные пространства, чем те, которые заливает. Море

¹ Был какой-то юбилей Томаса Манна. Приехал президент Литвы с малочисленной охраной и произнес небольшую речь. Потом приглашенные гости и туристы отправились осматривать сам домик, весьма скромный. Разместился он на высоком песчаном плато, веками намытом балтийским прибоем. Этот отвесный берег был почти пропастью, думаю, глубиной не менее двухсот метров. С него открывался удивительный вид на море. В погожий день (вероятно, и не только) открывалась линия горизонта, которая сливалась с туманностями голубого неба, так создавался эффект парения, совпадающий с тем, которого придерживался Гете и называл его взглядом сверху. Это удивительное ощущение, переходящее в возвышенное чувство.

оставляет преимущественно низменности и размывает крутые берега, ибо главным образом они подвергаются его натиску, между тем как низменности противодействуют ему своей отлогостью. Одно это могло бы послужить доказательством того, что уровень моря вообще не повышается во все большей и большей степени, ибо тогда разница была бы всего заметнее на тех берегах, где почва небольшим скатом постепенно понижается по направлению к морскому дну; в таких местах повышение уровня воды на 10 футов отняло бы у суши большую площадь. А так как в действительности дело обстоит как раз наоборот и море теперь не доходит до тех насыпей, которые оно раньше нагромодило и через которые оно тогда, несомненно, перекачивалось, то это доказывает, что уровень его с тех пор понизился; так, например, две прусские отмели, дюны на голландском и английском побережье представляют собой не что иное, как песчаные холмы, которые море когда-то намыло, но которые в настоящее время служат плотиной против него же, с тех пор как оно больше уже не достигает высоты, достаточной для того, чтобы переступить через них².

Странствование дюны в окрестностях деревни Кунцен на Куршской косе. (По Берендту)

История каждой деревни на Куршской косе обусловлена странствованием дюн. Последние отодвигают изменения самого берега на второй план, хотя около Кранца, по-видимому, целое кладбище упало, благодаря оползню, в море. Отдельные поселки исчезли здесь бесследно, подобно Латтенвальду и Кунцену, некогда лежавшим между Кранцем и Росситтенем.

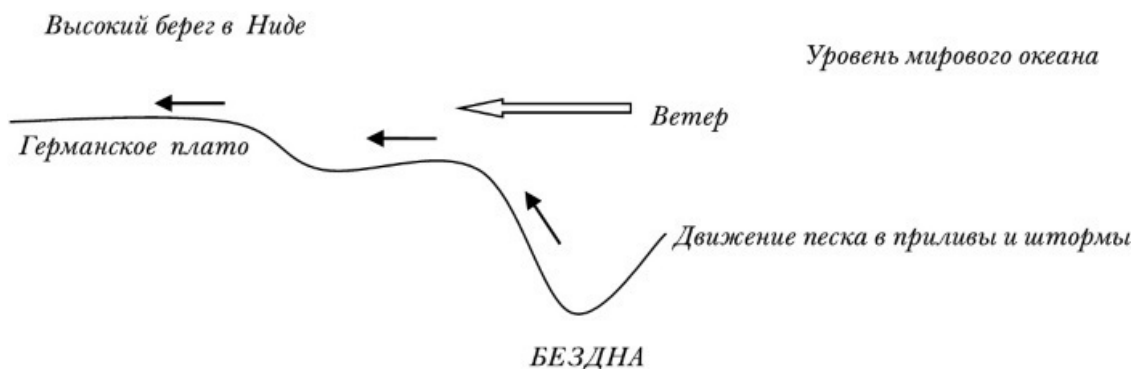
Латтенвальд был покинут жителями под влиянием вторжения русских в 1757 году, а в Кунцене, в течение XVIII столетия, дома несколько раз переносились с места на место, под угрозой надвигавшихся дюн. Школа погибла в песке в 1797 году, церковь в 1804 году; в 1822 году поля поселка с 11 гуф и 9 моргенов сократились до 1 гуфы и 19 моргенов, а в 1825 году погребение деревни песками закончилось. Севернее Росситтена, по-видимому, еще в XVII столетии, было засыпано местечко Преден, в 1839 году был сломан последний дом деревни Ней-Пиллькоппен; в 1797 году исчезло под песками поселение Карваитен, число жителей которого в период холодных и бурных зим 1790 и 1791 годов сократилось с 18 до 4. Негельн погиб в пятидесятых годах XIX столетия. В новейшее время можно

² Кант И. Вопрос о том, стареет ли земля с физической точки зрения // Кант И. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1963. Т. 1. С. 108.

проследить судьбу бежавших перед надвигающимися песками. Целый ряд новых деревень был основан благодаря пескам в новых, прежде пустынных местах: Негельнс. Пурвие, Прейль и Первельк. Защитные насаждения несколько замедлили наступление песков в XIX столетии и оказались целесообразнее прежних заборов и изгородей. В начале этого столетия Нидден считался погибшим, так как на этот поселок, защищенный все более и более редким лесочком, надвигались под напором юго-западного ветра песчаные горы, вышиною до 40 метров. Ныне же горы, почти достигавшие домов, так закреплены, что будущность Ниддена можно считать обеспеченной. Несмотря на все эти неблагоприятные условия, население Куршской косы выражалось следующими цифрами по переписи 1885 года: 293 дома в 11 поселениях при 2774 жителях; согласно появившейся в 1785 году «Топографии королевства Прусского» в то время было 131 дом в 10 поселениях, а в опубликованном в 1820 году «Топографическом обзоре Кенигсбергского округа Королевства Прусского» указаны 161 дом в 10 поселениях, при 1033 жителях³.

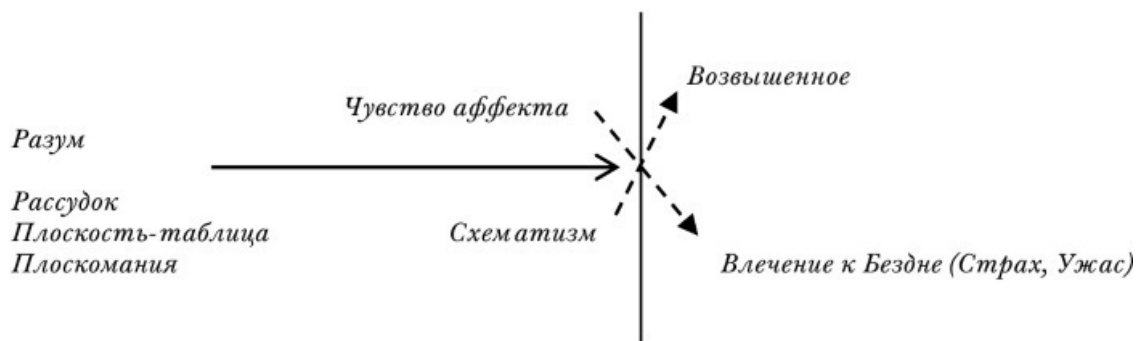
4. Восприятие плоскости – особое упражнение для глаза, подавленного урбанистским частоколом каменных препятствий. Хорошо понимаешь это, когда идешь многие километры по берегу вдоль водной кромки залива в прекрасный тихий солнечный вечер. Все сливается настолько, что даль становится близостью, а близкое ускользает; теперь оно случайный фрагмент других сил, стирающих все линии. Прогуливающийся – часть ландшафтной динамики, а она движется не только от него по плоскости, но и устремляется вверх, как если бы эта пропитанная световым веществом поверхность не знала доминирующего вектора. Всюду то, что можно воспринимать как плоскость, которая устремляется под ноги, неся тебя вперед, но и как плоскость, что встает перед тобою вертикалью невидимой стены.

Представим небольшой опыт виртуальной геодезики.

Могу предположить, что возвышенное Канта, эта «вещь в себе», проявляется на пересечении границ, разделяющих векторы стихий. В сущности, в кантовском мире есть две линии прямых: одна – образующая плоскость, а другая – ей перпендикулярная. Но тогда вопрос: что значит быть возвышенным, испытывать возвышенное чувство? Если тебя притягивает и влечет бездна, как то чрезмерно великое и громадное, с тобой и твоим телом не сопоставимое, то, значит, ты можешь утратить изначальную дистанцию и раствориться в собственном ужасе. Но если это шоковое переживание сохраняет свою силу только на очень краткое время, чтобы тут же смениться другим, собственно, установлением дистанции, а точнее, возвышением над тем, что тебя так испугало; если ты находишься на дистанции от катастрофического явления и, более того, можешь его объяснить с точки зрения собственного разума?

³ Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение. СПб., 1905. Т. 1. С. 499–500.

В эстетике возвышенного должно быть снято кантовское разделение между *phaenomena* и *noumena*: одни даны на плоскости и могут быть схематизированы, сведены в таблицы, другие, напротив, недоступны именно потому, что они располагаются на невидимой вертикали, т. е. там, где линия горизонта исчезает и тем самым действие плоскостных образов останавливается. Гегель для большей достоверности своей критики кантовского схематизма обращается к живописи:

Точно так же, – после того как кантовская, лишь инстинктивно найденная, еще мертвая, еще не постигнутая в понятии *тройственность* (Triplizität) была возведена в свое абсолютное значение, благодаря чему в то же время была установлена подлинная форма в своем подлинном содержании и выступило понятие науки, – нельзя считать чем-то научным то применение этой формы, благодаря которому, как мы это видим, она низводится до безжизненной схемы (Schema), до некоего, собственно говоря, призрака (Schemen), а научная организация – до таблицы. Этот формализм, о котором выше уже говорилось в общих чертах и манеру которого мы здесь рассмотрим более подробно, покоится на мнении, будто он постиг в понятии и выразил природу и жизнь того или другого образования, если он высказывал о нем в качестве предиката какое-нибудь определение «схем» – будь то «субъективность» или «объективность», или же «магнетизм», «электричество», и т. д., «сжатие» или «расширение», «восток» или «запад» и т. п., – занятие, которое можно продолжать до бесконечности, потому что таким способом каждое определение или модус (Gestalt) могут быть в свою очередь применены к другим в качестве формы или момента схемы и каждое может в благодарность оказать другим ту же услугу; – получается круг взаимности, в котором нельзя дознаться ни что такое само существо дела, ни что такое то или другое [определение]⁴.

Овладеть инструментом этого однообразного формализма не труднее, чем палитрой живописца, на которой всего лишь две краски – скажем, красная и зеленая, чтобы первой раскрашивать поверхность, когда потребовалась бы картина исторического содержания, и другой – когда нужен был бы пейзаж. – Трудно было бы решить, чего при этом больше – чувства удовольствия, с которым такой краской замазывается все, что есть на небесах, на земле и под землей, или внушенной себе мысли о превосходстве этого универсального средства; одно подкрепляет другое. Результат этого метода приклеивания ко всему небесному и земному, ко всем природным и духовным формам парных

⁴ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Изд. социально-экономической литературы, 1959. С. 26.

определений всеобщей схемы и раскладывания всего по полочкам есть не что иное, как ясное, как солнце, сообщение об организме вселенной, т. е. некая таблица, уподобляющаяся скелету с наклеенными ярлыками или ряду закрытых ящиков с прикрепленными к ним этикетками в бакалейной лавке, – таблица, столь же понятная, как этот скелет и эти ящики, и упустившая или утаившая живую суть дела так же, как в первом случае с костей удалены плоть и кровь, а во втором – такие же мертвые вещи именно и запрятаны в ящиках. – Как выше было отмечено, эта манера ко всему еще завершается одноцветной абсолютной живописью, когда она, стыдясь различий схемы, топит их, как принадлежность рефлексии, в пустоте абсолютного, дабы восстановлено было чистое тождество, бесформенная белизна. Названное однообразие схемы с ее безжизненными определениями и это абсолютное тождество, как и переход от одного к другому, есть одинаково мертвый рассудок, как в одном случае, так и в другом, и одинаково внешнее познание⁵.

На эту критику, возможно, Кант ответил бы следующим образом. Задача все-таки состоит в том, чтобы ответить на вопрос: каким может быть представлен образ чистого разума, в виде каких орудий познания (инструментов)? И таковыми должны быть идеальные схемы понятий, покоящихся на продуктивном воображении. Другими словами, схема дает возможность выстроить идеальный образ понятия, которое применимо как возможное в конкретном опыте (и к определенному предмету). В сущности, для Канта нет предмета без понятия, и понятие трансцендентального вида не нуждается в том, чтобы учитывать сам предмет, ибо он рождается только в способности понятия его производить. Познать – это собственно создавать то, что познается.

5. Кант не чувствует и не знает глубины, она для него спрятана внутри земных сводов, и он абсолютно уверен в том, что только *плоскость* единственно может обеспечивать пространство наглядности для строгих формулировок. Причем по мере разворачивания таблиц со схематизмами исчезает всякая потребность подчинять мышление каким-либо первоначальным чувствам, да и нуждаться в них. Гегель сравнивает Канта-мыслителя с плохим живописцем, который ради «удобства» пытается использовать всего два цвета. Для явлений одного плана – исторического, например, – используется красная краска и для другого – ландшафты, например, – зеленая, но самое интересное в том, что цветовая гамма в силу двутактности своего схематизма стремится к тому, чтобы стать единой таблицей понятий для всех явлений и, следовательно, достичь абсолютной мертвой тождественности. Или, как говорит Гегель, добиться той «бесформенной белизны», которая сотрет в конце концов всякое различие и линию горизонта.

6. Конечно, это относится к тем географическим и геологическим образам, которыми Кант пользовался в докритический период. Сюда можно отнести объяснение им природы землетрясений, описания странствия песков Куршской косы, влияние лунных фаз на характер приливов и т. п. Например, Кант понимает природу землетрясений весьма своеобразно, их основные активные силы как *проходящие, протекающие, приливающие* через начальную пустотность земной материи.

Первое, на что нам нельзя не обратить внимания, – это то, что *Земля, на поверхности которой мы находимся, внутри пуста* и что ее своды тянутся почти непрерывной цепью на обширных пространствах даже под морским дном. Я не привожу сейчас исторических примеров, потому что не ставлю своей задачей дать историю землетрясений. Страшный грохот, подобный шуму

⁵ Там же. С. 27–28. В сущности, то, в чем Гегель упрекает Канта, и есть *географизм* его мышления, склонность к выстраиванию категориального аппарата в виде карты на плоскости (таблицы) с идеальным обзором (см. также: *Hegel G. W. F. Phänomenologie des Geistes*. Berlin: Akademie Verlag, 1986. S. 4–43).

подземного урагана или гроыханию груженных телег по булыжной мостовой, грохот, сопровождавший многие землетрясения, а также действие их, в одно и то же время охватывающее далеко отстоящие друг от друга страны, например Исландию и Лиссабон, отделенные друг от друга морем более чем 4½ сотнями немецких миль и тем не менее приведенные в движение в один и тот же день, – все эти явления неопровержимо доказывают, что эти подземные пустоты связаны между собой⁶.

Кант не знает возвышенного так, как его переживал его великий современник, шведский мистик и ясновидец Сведенборг. По сути дела, он открыл путь в кантовский ноуменальный мир и поселился там, не обращая внимания на его хозяина. Причем характер его размышлений о загробных мирах, духах и ангелах – как бы вывороченная наизнанку вполне рациональная модель разума эпохи Просвещения⁷. Рационально мысля и понимая то, что не поддается никакой рационализации и проверке в доступном опыте, разум понимает даже то, что невозможно понять, он выше любого собственного непонимания. Критика Сведенборга – это как раз и есть указание на недостаточность рассудка, который не способен различить призрак и реальный предмет. Что такое призраки и иллюзии для Канта, можно выяснить при анализе его отношения к Сведенборгу, который напоминает путешественника, пускающегося в опасное плавание, ориентируясь только на то, что называет опытным знанием, самим опытом. И вот тут Кант развертывается во всей своей критической мощи, вводя разного рода пространственно-материальные ограничения для духов, или духовных существ (место, фигура, тело-«я»). Кантовские границы, учреждаемые здравым смыслом и доказательствами рассудка, уничтожают общение с духами Сведенборга.

7. Конечно, хорошо, что ближайшая область контролируется рассудком, исходящим из непосредственного опыта вещей и явлений, но «одного он не в состоянии выполнить, а именно определить самому себе границы своего применения и узнать, что находится внутри или вне всей его сферы»⁸. Итак, на карте мы находим рассудок, пока это некое Я, оснащенное инструментами познания, относимыми к непосредственному опыту, далее, беспокойство по поводу того, можно ли отправляться в далекое плавание для открытия новых земель, если мы толком не знаем, может ли рассудок устранять и вскрывать иллюзии и всякого рода ложные «убеждения» и «призраки», которые так часто встречаются в бушующем океане:

В самом деле, действующий таким образом субъект как *causa phaenomenon* был бы неразрывно связан с природной зависимостью всех своих действий и только *nooumenon* этого субъекта (со всей его причинностью в явлении) содержал бы в себе какие-то условия, которые следовало бы рассматривать как чисто умопостигаемые, если бы мы пожелали подняться от эмпирического предмета к трансцендентальному⁹.

Другими словами, нужен переход на иную ступень познания, которое уже не будет зависеть от того, что мы переживаем в опыте, переход к познанию до-опытному или сверх-опытному, которое касается исключительно умопостигаемых вещей. Для Канта очень важен этот первоначальный момент созерцания, чисто эмпирического и еще погруженного в вещи. Он часто использует разного рода примеры, по которым можно судить, как работает его воображение и какие образы он использует там, где его дискурс, точнее, трансцендентальная аналитика кажется неуместной и недостаточной. Или, напротив, примеры помогают завершить или начать

⁶ Кант И. О причинах землетрясений // Кант И. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1963. Т. 1. С. 340.

⁷ Не это ли вызвало у Канта сильнейшее раздражение, так что он попытался подвергнуть «видения» Сведенборга систематической критике?

⁸ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 301.

⁹ Там же. С. 486.

аналитическую работу. Двигаясь через это поле образов, метафор, мы можем понять, что представляет собой чувство воображения, которое уже не имеет предмета. Это чистое созерцание, как если бы мы попытались сравнить с ним идею чистого разума. Восприятие, очищенное от всякой предметности, т. е. выходящее за себя и возносящее человека над природой, и есть Возвышенное (чувство). Рассудок из наличного опыта контролирует эстетическое переживание как фрагмент опыта.

8. Кант чрезвычайно любил работать с *картой* (мыслимого), т. е. все должно быть выведено на обозримую плоскость и исследовано в своих повторяющихся свойствах. «Глубоко» должно быть открыто поверхности. Мыслить его можно, только обозревая со всех сторон, будучи не просто «над», но и над такой картой, где каждое понятие занимает свое место. Необходима таблица (формальная схематизация результатов опытного, созерцательного знания). То, что в глубине (а это вся Природа), выводится на поверхность и там разграничивается; это [разграничение поверхности] и есть таблица, поскольку каждая вещь и каждое событие получает свое место по отношению к другому. Разум учреждает и поддерживает существование границ. В сущности, многие свои работы Кант строит так, как если бы человеческий разум только и призван к тому, чтобы устанавливать границы между собой и явлениями. С одной стороны, Природа, с другой – Разум, который, сам себя ограничивая, познает Природу. Есть движение песков, приливы, землетрясения, множественные сломы земли, где сама глубина допускает свое изучение с помощью установления границ. Граница – это сам Разум:

...метафизика есть наука о границах человеческого разума, и если по отношению к небольшой стране, всегда имеющей много границ, более важно знать и удерживать ее владения, чем безотчетно стараться расширить их завоеваниями, то и польза от упомянутой науки хотя и мало кому ясна, но зато очень важна и получается только путем долгого опыта и довольно поздно. Хотя я и не обозначил здесь с точностью границ [разума], но все же наметил их настолько, что при дальнейшем размышлении читатель сам сможет освободить себя от тщетных исследований вопроса, данные которого имеются в другом мире, а не в том, в котором он воспринимает¹⁰.

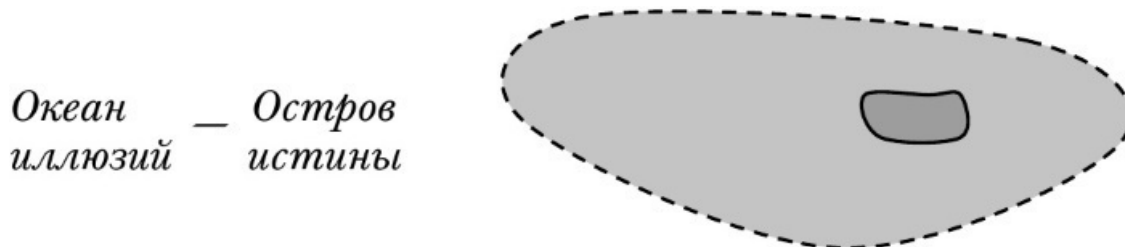
Думаю, что опыт именно географического видения наложил свой отпечаток на кантовское понимание разума как учреждения границы. Разум и граница неотделимы друг от друга, граница и ограничение, наложение, учреждение, проведение и пр. *границ* и есть задача человеческого разума. Полагаю, что вот эта способность учреждать границы во всем том, что мыслимо, и есть географический стиль мышления Канта (который проявляется во всех его исследованиях, начиная с самых ранних). Почему граница? Потому что она отличает одно явление от другого и не позволяет их смешивать, ведь все смешанное, не имеющее границ, вызывает страх и рождает повод к его углублению в первоначальном Ужасе (с которым невозможно справиться, если не обладать самостоятельностью, т. е. дистанцией в своих наблюдениях за Природой). Что мы знаем о прогулках Канта (конечно, это скорее прогулки Кьеркегора, чем прогулки Руссо, «Прогулки одинокого мечтателя»)? Мы можем предполагать по различным свидетельствам, что он был хорошо знаком с движением песков на германском плато (прибрежная к Кёнигсбергу область). И мог наблюдать их катастрофическое движение и попытку человека его остановить с помощью самых различных ухищрений: высадки сосен, образования прибрежных парков, плетеных запруд, кольев и др. Но песок побеждал, выравнивая почву до той степени, что береговая линия сливалась с линией моря, образуя идеальную плоскость, такую абсолютную открытость, которую можно разграничивать самыми разнообразными пределами, «местами». Может быть, здесь первоначальный аффект наблюдения: исчезновение горизонта

¹⁰ Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Кант И. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 349.

не как его отрицание, а как открывающаяся возможность для Границы (раз- и о-граничения всего во всем)? Не отсюда ли принцип наблюдения: взгляд сверху, когда все, что видимо, есть *карта* и не имеет собственного рельефа? Вот прекрасный географический текст Канта:

Мы теперь не только прошли область чистого рассудка и внимательно рассмотрели каждую часть ее, но также измерили ее и определили в ней место каждой вещи. Но эта область есть остров, самой природой заключенный в неизменные границы. Она есть царство истины (прелестное название), окруженное обширным и бушующим океаном, этим средоточием иллюзий, где туманы и льды, готовые вот-вот растаять, кажутся новыми странами и, постоянно обманывая пустыми надеждами мореплавателя, жаждущего открытий, втягивают его в авантюры, от которых он никогда уже не может отказаться, но которые он тем не менее никак не может довести до конца. Прежде чем отважиться пуститься в это море, чтобы исследовать его по всем широтам и узнать, можно ли найти что-нибудь в них, полезно еще раз взглянуть на карту страны, которую мы собираемся покинуть, и задать прежде всего вопрос, нельзя ли удовольствоваться тем, что в ней есть, или нельзя ли нам в силу необходимости удовольствоваться ею, если нигде, кроме нее, нет почвы, на которой мы могли бы обосноваться; и еще нам нужно узнать, но какому праву владеем мы этой землей и можем ли считать себя гарантированными от всяких враждебных притязаний. Хотя в аналитике мы уже с достаточной полнотой ответили на эти вопросы, все же краткий обзор ее результатов может укрепить наше убеждение, соединяя все моменты аналитики в одном пункте¹¹.

Как строить эту интерпретацию и поможет ли нам этот текст/метафора разобраться в том, как мыслит Кант, фиксируя и обосновывая каждый шаг мысли? Вот карта этой области, которая описывается в тексте Канта:

Отсюда инстинкт карты. Этот остров противостоит сглаживающему и стирающему действию океана, безграничного, отвергающего какую-либо границу. Вот почему человеческий разум в лице рассудка учреждает границы, обращая внимание и на себя, на свою способность понимания без учреждения границы (моральная область). Как и в случае с движением песков, призраков, вод океана, кантовская граница противостоит изначальному Хаосу, что позднее он начнет называть бездной. Остров – это сформировавшийся центр (наблюдения), в нем все разграничено и поэтому упорядочено. Внешняя граница определяет внутреннюю. А внутренняя становится внешней.

¹¹ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 299–300.

Взгляд сверху /*Blick von oben, regard d'en haut*/

9. Основная идея: космология Канта (часть его физической географии, которую он преподавал всю жизнь). Для космолога, да и для любого наблюдателя природы необходимо воображение, которое позволило бы наблюдателю смотреть на мир как малого, так и великого с независимой и отдельной точки зрения. Позволило бы ему как бы парить-над-миром, наблюдать за ним то с высоты птичьего полета, то со звезды Сириус. По сути дела, это новое понимание видения мира, которое образовалось с тех пор как боги античности были лишены своего олимпийского превосходства и человек занял их место. Собственно, Кант повсюду придерживается этой позиции, которую он считает способной раскрыть научную картину мира. Бесспорно, начиная с самых ранних произведений докритического периода вера Канта в человеческий разум никогда не ослабевала. Однако разделять кантовскую мысль на докритический и критический периоды было бы не совсем точно. На мой взгляд, в свете формирования понятия возвышенного как некоего предметного единства, которое эволюционирует в своем формировании от первого произведения к поздней третьей критике, можно говорить об искусственности этого разделения. Между ранним представлением о возвышенном и прекрасном располагается «Критика чистого разума», которая предлагает некую общую схему всех рассудочных понятий и способы ее организации и применения. Всякая схема есть некий идеальный образ мыслимого, без которого невозможно конструирование понятия. Момент схватывания особенностей (качеств) предмета находит выражение в схеме образа, которая и является неким идеальным условием понятийного единства. А вот программа, которой нам нужно руководствоваться для понимания кантовского понятия возвышенного:

Этот схематизм нашего рассудка в отношении явлений и их чистой формы есть скрытое в глубине человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы и раскрыть. Мы можем только сказать, что образ есть продукт эмпирической способности продуктивного воображения, а схема чувственных понятий (как фигур в пространстве) есть продукт и как бы монограмма чистой способности воображения *a priori*; прежде всего благодаря схеме и сообразно ей становятся возможными образы, но связываться с понятиями они всегда должны только при посредстве обозначаемых ими схем и сами по себе они совпадают с понятиями не полностью. Схема же чистого рассудочного понятия есть нечто такое, что нельзя привести к какому-либо образу; она представляет собой лишь чистый, выражающий категорию синтез сообразно правилу единства на основе понятий вообще, и есть трансцендентальный продукт воображения, касающийся определения внутреннего чувства вообще, по условиям его формы (времени) в отношении всех представлений, поскольку они должны *a priori* быть соединены в одном понятии сообразно единству апперцепции¹².

Составляющие общее представление возвышенного элементы: чувство/образ/схема/понятие. Этот порядок мысли должен быть учтен нами при анализе позднейших произведений Канта и прежде всего «Критики способности суждения». В докритический период Кант понимал возвышенное, еще не используя аналитическую технику трансцендентального схематизма, и поэтому его позиция если не совпадала, то во всяком случае ничем особенно не отличалась от позиций Юма, Шефтсбери или Берка (английских эмпириков). Поэтому он писал, совершенно убежденный в своем пафосе видения космологического: «Большая высота вызывает

¹² Кант И. Критика чистого разума. Т. 3. С. 222–224.

чувство возвышенного, как и большая глубина, однако чувство, вызываемое такой глубиной, сопровождается ощущением ужаса; чувство же, вызываемое высотой, – изумлением; и именно поэтому первое ощущение может быть устрашающе-возвышенным, а второе – благородным». И далее: «Длительность возвышенна. Если она относится к прошедшим временам, она благородна. Если же предвидят ее в необозримом будущем, она пугает»¹³.

10. Многие ранние произведения Канта представляют собой различные опыты по физической географии¹⁴. В таком воображаемом опыте важно использовать именно воображение, ибо опыт непосредственного наблюдения за землей с космической высоты невозможен. Такие ранние работы Канта, как «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755), «О причинах землетрясений» (1756), «Новые замечания для пояснения теории ветров» (1756), создавались в те же годы, что и другая его работа, исключительно важная для понимания места возвышенного как чувства и понятия в системе Канта: «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764), «Приложение к „Наблюдениям над чувством прекрасного и возвышенного“» (1764–1775).

Остановимся на миг в немом восторге перед этой картиной. Я не знаю ничего, что могло бы вызвать более благородное изумление в человеческом духе, раскрывая перед ним бесконечное поле всемогущества, чем эта часть теории, касающаяся последовательного осуществления творения¹⁵.

Ввиду этого, хотя с той точки Вселенной, где мы находимся, мы видим перед собой как будто вполне сформировавшийся мир и, так сказать, бесконечный сонм систем миров, связанных между собой, тем не менее мы в сущности находимся поблизости от центра всей природы – там, где она уже развилась из хаоса и достигла надлежащей степени совершенства. Если бы мы могли выйти за пределы определенной сферы, мы увидели бы там хаос и рассеяние элементов, которые, по мере того как приближаются к этому центру, начинают отчасти выходить из первичного состояния и формироваться, а по мере удаления от центра они постепенно теряются в полном рассеянии. Мы увидели бы, как бесконечное пространство божественного присутствия, в котором имеется все для всевозможных образований природы, погружено в безмолвную ночь; оно наполнено веществом, призванным служить материалом для образования будущих миров, и полно импульсов для приведения его в движение, слабо начинающих те движения, которые со временем должны оживить эти беспредельные пустынные пространства¹⁶.

О, как счастлива душа, когда она среди ярости стихий и обломков природы может во всякое время взирать с такой высоты, откуда опустошения, вызываемые брэнностью вещей этого мира, как бы вихрем проносятся под ее ногами! На блаженство, которое разум не смеет даже пожелать, учит нас твердо надеяться откровение. И когда оковы, привязывающие нас к брэнности творений, спадут в тот миг, который предопределен для преобразования нашего бытия, тогда бессмертный дух, свободный от связи с преходящими вещами, обретет истинное блаженство в общении с бесконечным существом. Вся природа в общей гармонии с благостью

¹³ Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Кант И. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 130–131.

¹⁴ Чрезвычайно активно использование Кантом географической терминологии в разных произведениях.

¹⁵ Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Кант И. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Мысль, 1963. Т. 1. С. 207.

¹⁶ Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба. Т. 1. С. 208.

божьей может только наполнять чувством постоянного удовлетворения то разумное создание, которое находится в единении с этим источником всякого совершенства. Созерцаемая из этого центра природа повсюду обнаруживает полную устойчивость и гармонию. Изменчивые явления природы не в состоянии нарушить блаженного покоя духа, однажды вознесшегося на такую высоту. Со сладкой надеждой, предвкушая это состояние, он может раскрыть свои уста для тех славословий, которыми когда-нибудь огласится вечность¹⁷.

Следовательно, в виду надо иметь конец всякого времени при том, что продолжительность существования человека будет непрерывной, но эта продолжительность (если рассматривать бытие человека как величину) мыслится как совершенно несравнимая с временем величина (*duratio positiva*), и мы можем иметь о ней только негативное понятие. Такая мысль содержит в себе нечто устрашающее, приближая нас к краю бездны, откуда для того, кто погрузится в нее, нет возврата («Но его крепко держит вечность в своих властных руках в том суровом месте, из которого никому нет возврата» – Галлер); и вместе с тем она притягивает нас, ибо мы не в силах отвести от нее своего испуганного взгляда («*nequeunt expleri corda tuendo*». – Вергилий¹⁸). Она чудовищно возвышенна; частично вследствие окутывающей ее мглы, в которой сила воображения действует сильнее, чем при свете дня. Наконец, удивительным образом она сплетена и с обыденным человеческим разумом, поэтому в том или ином виде во все времена ее можно встретить у всех народов, вступающих на стезю размышления¹⁹.

Это чрезвычайно поэтическое сочинение, в котором (что редко для Канта) он пытается передать восторг перед своим воображаемым космическим путешествием, цитируя известных поэтов, в частности Галлера (своего современника). Кант размещает свою точку наблюдения на космической высоте, именно с нее возможно наблюдение за формированием Вселенной и за тем, что ему противостоит, – силами хаоса и беспорядка²⁰. Возвышенное связывается Кантом напрямую с возвышением, высотой, полетом. Но позднее, когда он привлекает к описанию феномена возвышенного технику трансцендентального схематизма, все несколько меняется. Теперь кантовский наблюдатель уже исходит из другой позиции: не над (не опираясь «на взгляд сверху»), а скорее, напротив, разума оказывается вполне достаточно, для того чтобы управлять возвышенным чувством по отношению к природе. Не возвышаясь чисто физически над ней, но обладая, между тем, силой, которая позволяет находиться на достаточном расстоянии от поражающего наше воображение и чувства явления. Расстояние требует схематизма, да и невозможно без него. Схема – это и есть действие разума (он как бы картографирует,

¹⁷ Там же. С. 213–218.

¹⁸ «...и сердца не могут насытиться видом... (Глаз ужасных...)»

¹⁹ Кант И. Конец всего сущего (1794) // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 279.

²⁰ Вот что пишет Пьер Адо, поднявший гётевскую тему Взгляда сверху: «Это усилие воображения, но также разумения, нацелено главным образом на то, чтобы снова поместить человеческое существо в огромность вселенной, чтобы заставить его осознать, чем оно является. Это прежде всего осознание своей слабости, поскольку оно заставит его прочувствовать, насколько человеческие вещи, которые, как нам кажется, имеют принципиальную важность, оказываются, если их рассматривать в этой горней перспективе, нелепыми и смешными в своей мелочности». И далее: «Речь также идет о том, чтобы заставить человеческое существо осознать величие человека, поскольку его ум способен обождать всю вселенную. Ибо это упражнение ведет к расширению сознания, к своего рода полету души в бесконечности, как описывает Лукреций по поводу Эпикура. Но самое главное, оно позволяет индивиду видеть вещи в универсальной перспективе и освободиться от своей эгоистической точки зрения. Вот почему этот взгляд сверху ведет к беспристрастности» (*Адо П.* Философия как способ жить. Челябинск: Социум, 2004. С. 254). См. также: *Hadot P.* N'oubliez pas de vivre. Goethe et la tradition des exercices spirituels. Albin Michel, 2008; *Адо П.* Плотин, или Простота взгляда. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. С. 32–33.

выводит из глубины на плоскость). Между тем главное, что за этим стоит, – это изначальный ужас/страх перед природой.

Другой момент – это включенность человеческого тела в космическое целое и, собственно, неотличимость от него ни по каким характеристикам. Тот мир, который перед нами, это мир с нами, этот мир без нас невозможен (как невозможен мой глаз без глаза Бога, а Его без моего – мистика Майстера Экхарта):

И как бы хорошо я ни знал расположение отдельных частей горизонта, но стороны я могу определить, только зная, по какую руку они находятся. Точнейшая карта неба, как бы ясно я ни представлял ее в уме, не дала бы мне возможности, исходя из известного мне направления, например севера, узнать, на какой стороне горизонта мне следовало бы искать восход Солнца, если бы кроме положения звезд в отношении друг друга не было определено и направление положением чертежа относительно моих рук. Точно так же обстоит дело с нашим географическим и даже с нашим самым обыденным знанием положения мест, которое ничего нам не даст, если расположенные таким образом вещи и всю систему их взаимных положений мы не будем в состоянии установить по направлениям через отношение сторон нашего тела. И даже для порождений природы определенное направление, в котором обращено расположение их частей, составляет очень важный отличительный признак, могущий при случае содействовать различению их видов²¹.

²¹ Кант И. О первом основании различия сторон в пространстве // Кант И. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 374.

1. Великий страх. Кант читает Берка

...из могилы убиенной во Франции монархии поднялся огромный, страшный, бесформенный призрак с лицом более ужасным, чем может представить себе любое воображение, и сломил дух человеческий. Идущий прямо к цели, не боящийся опасности, не подверженный угрызням совести, презирающий все общепризнанные истины и здравый смысл, этот отвратительный фантом поразили даже тех, кто и поверить не мог в возможность его существования...

Эдмунд Берк

1.1. Французская революция: близкая и далекая

1. В течение XVIII века появляются две наиболее значительные и влиятельные книги, посвященные исследованию вкуса: это «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757) Эдмунда Берка и «Критика способности суждения» (1790) Иммануила Канта, можно сказать, библии вкуса эпохи Просвещения. Берк – представитель высшей английской аристократии, «человек власти». Кант же был близок к чиновно-профессорскому сословию и разделял с ним общий ряд ценностей; по сравнению с аристократом Берком в своих политических суждениях он достаточно нейтрален, если не осторожен. Как известно, Берк видел во Французской революции наиболее варварское проявление политической эстетики – фигуру ложно возвышенного. Все его обвинения в немалой степени сводятся к тому, чтобы представить поведение революционных вождей и теоретиков, взрастивших в народной массе чувство социальной мести и жестокости, как ужасающее проявление безвкусицы, своего рода политический китч, без меры, моральных оснований и разума. Пример: критика Берком идей Ж.-Ж. Руссо. Ведь естественному обществу, которое он противопоставляет политическому, чужды руссоистские идеи и мнимые «революционные» ценности; у Берка вызывают глубокое отвращение первые вспышки якобинского террора, их кровавое и вместе с тем театральное представление, возвеличивающее равенство с толпой, страх и жестокость. Примечательно, что в аргументации в пользу «естественного» против политического сообщества (policed societies) Берк прибегает к историческому подсчету числа жертв (нашествий и завоеваний, поражений и побед, короче, он исчисляет всевозможные жертвы насилия)²²

²² Берк Э. Правление, политика и общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 60–77. Одно из последних политических сочинений Берка выходит почти одновременно с «Критикой способности суждения» (1791).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.